

Мимоходомъ.

VIII. Бывшій театръ.

Ръ Ж. городскій театръ обращенъ въ лазаретъ. Въ зрительномъ залѣ разставлены койки для раненыхъ солдатъ. Ложи обращены въ офицерскія палаты, тоже и артистическя уборы. Сцена служитъ амбулаторіей; кабинетъ директора—операционной комнатой. Изъ театра получились превосходный лазаретъ; по обилію воздуха, по широтѣ, по удобству размѣщенія раненыхъ—одинъ изъ лучшихъ въ краѣ.

Такое же впечатаніе бывшего театра, упрямой сцены производятъ и весь районъ, къ которому принадлежитъ Ж. Еще недавно его всё такъ и называли «театромъ»,—именно «главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій». Здѣсь была сцена, на которой ставились важнѣйшія событія. Но пунки замолчали, атаки прекратились, напряженная дѣятельность замерла, и вниманіе міровыхъ зрителей перенеслось въ другую сторону. Для полной аналогіи покажи сѣбѣ прожекторы, словно лампочки лампы, и, какъ въ городскомъ театрѣ въ Ж., мирная забота о раненыхъ всецѣло воцарилась тамъ, гдѣ прежде бушевали страсти и разыгрывались трагедіи.

— Повѣрите ли, скучно стало!—говорилъ мнѣ офицеръ—аго полка, расположеннаго на этомъ фронтѣ. — Бывало, пальба не прекращалась ни днемъ, ни ночью. По пятнадцати, по шестнадцать разъ въ сутки нѣмцы ходили въ атаку. Спали мы однимъ глазомъ; каждую минуту могли разбудить: покалуйте, нѣмецъ опять на наши штыки лѣзетъ! Безконечная усталость, безпрерывный грохотъ пушекъ, рукопашные бои, убитые, раненые, и это—день за днемъ! Нервы были напряжены до крайности. Правда, было нравственное удовлетвореніе въ томъ, что

всѣ атаки мы отбивали, что, какъ ни старались нѣмцы, какими снарядами насъ ни засыпали, сколько своихъ людей ни клали, мы не подались ни на шагъ. Какъ насъ поставили, такъ мы и остались стоять. А все-таки думалось иногда: «Господи, хотя бы одинъ день передохнуть отъ этого ужаса, не слышать канонады, отъ которой всѣ чуть не глохли, выснаться вволю, напиться чаю спокойно!» И что же! Вотъ теперь тихо, но стрѣляютъ, не атакуютъ, а—скучно. Странное созданіе человекъ. Постѣ тѣхъ сильныхъ ощущеній, какія даетъ бой, все потомъ кажется прѣснымъ и невпечатлительнымъ.

Приблизительно то же мнѣ говорилъ летчикъ (французъ, вступившій на нашу службу), прикомандированный къ арміи того же фронта.

— Стало неинтересно летать. Прежде приходилось летѣть подъ пулями, подѣ обстрѣломъ, но зато, вернувшись, привозилъ важныя извѣстія и создавалъ, что сдѣлать полезное дѣло. А теперь полеты превратились въ простые прогулки. Нѣмцевъ осталась только тонкая прослойка по передовымъ окопамъ; дальше деревни пусты, резервовъ нѣтъ. Нѣмцы даже перестали стрѣлять по нашимъ аэропланамъ, словно говорятъ: высматривайте, что хотите, ничего смѣтрьте...

— Неужели военныя дѣйствія буквально прекратились? — поинтересовался я.

— Нѣтъ, конечно,—возразилъ офицеръ.—По временамъ стрѣляемъ, и мы, и нѣмцы; такъ у насъ говорятъ: «чтобы не разучиться». Бываютъ атаки, но вялыя: нѣмцы пробуютъ, нельзя ли насъ заставить врасплохъ, но мы всегда на сторожѣ. Являются въ гости и нѣмецкіе авіаторы, но,—замѣчательно,—бомбъ не бросаютъ: покружатъ, покружатъ, убѣдятся, что мы на мѣстахъ, и уйдутъ назадъ. Вотъ нѣмецкіе развѣдчики, тѣ попадаются...

Наши солдаты тоже тяготеютъ одно-

образіемъ жизни на этомъ фронтѣ и стараются развлечься, какъ могутъ. Говорятъ, что въ англійской арміи въ свободное время играютъ въ футболъ и лаунъ-теннисъ. Наши—играютъ въ русскія игры, — въ городки и свайку. Страшно видѣть, какъ «чудобогатыри», недавно свершавшіе истинныя подвиги отваги и самоотверженія, увлекаются игрой, радуются своему удачному удару и, словно дѣти, сердятся при проигрышѣ... Другимъ развлеченіемъ для солдатъ служатъ кинематографы, такъ какъ въ каждомъ городкѣ, въ каждомъ селеніи есть свой «электро-театръ». Солдаты требуютъ непременно «военныя» картины, любятъ сами на себя, а иногда, забывшись, кричатъ безмолвной фигурѣ на экранѣ: «Такъ! Хорошо! Вей нѣмца!» или—изображенію сестры милосердія: «Спасибо, сестрица!» Въ Ж. помѣщеніе кинематографа исполняетъ также назначеніе временной казармы. Солдаты, посмотрѣвшіе вдоволь на образы войны въ ея кинематографическомъ отраженіи и насмѣявшіеся надъ какими-нибудь «прислуженіями Пренса», тутъ же, на скамьяхъ передъ померкшимъ экраномъ укладываются спать... А на другой день опять начинается все то же,—тихое и монотонное существованіе «на постой».

— Почему же мы не переходимъ въ наступленіе, если мы гораздо сильнѣе нѣмцевъ?—спросилъ я.

— Во-первыхъ, разсуждать объ этомъ не наше дѣло,—отвѣтилъ мнѣ мой собесѣдникъ.—Главному штабу видѣть, что должно предпринять. А, во-вторыхъ, къ чему такое наступленіе могло бы? Конечно, мы въ состояніи выбить нѣмцевъ изъ ихъ позицій и отбѣснить ихъ почти къ самой границѣ. Но этимъ мы приблизимъ ихъ къ базѣ. Теперь имъ подвозить издалека продовольствіе трудно, такъ какъ на мѣстѣ ничего нельзя достать: край ими самими ограбленъ и разоренъ до-та.

Тогда станетъ гораздо легче все получать изъ Германіи. Кроме того, сейчасъ мы занимаемъ превосходныя позиціи, о которыя уже разбѣжались патски трихъ германскихъ армій. Занять такое же выгодное положеніе въ другомъ мѣстѣ будетъ не такъ-то просто. Нѣтъ, пусть себѣ нѣмцы утѣшаются до поры, до времени своимъ призрачнымъ успѣхомъ и хвастаются передъ Европой, будто навсегда присоединили къ Германіи восемь новыхъ провинцій.

Подумавъ, я согласился.

IX. Герон Прасныша.

Бесѣдая съ офицеромъ, участникомъ праснышскаго сраженія, я упоминалъ о тѣхъ ротахъ, которыя, какъ сказано въ донесеніи штаба Верховнаго Главкомадующаго, «при общемъ отходѣ нашихъ войскъ въ началѣ боя остались въ городѣ». Какъ извѣстно, эта горсть храбрецовъ, окруженная силами всей германской арміи, не пожелала сдаться, но, сколько была въ состояніи, держалась въ городѣ и заставила нѣмцевъ купить его дорогой цѣной, поведя упорный бой на улицахъ. Я выразилъ сожалѣніе, что мы не знаемъ и, вѣроятно, еще долго не будемъ знать подробностей этого героическаго сопротивленія.

— О самомъ боѣ, который вели эти роты, я ничего не могу вамъ сообщить,—сказалъ мнѣ офицеръ.—Но мнѣ извѣстенъ одинъ эпизодъ, связанный съ этимъ дѣломъ. Хотя косвенно, но онъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на обстоятельства, при которыхъ были взяты нѣмцами Праснышъ.

Я попросилъ разсказать мнѣ этотъ эпизодъ, и мой собесѣдникъ передалъ мнѣ слѣдующее.

Наступленіе нѣмцевъ на Праснышъ было столь стремительно и неожидано, что наша армія должна была отойти отъ города, чтобы перестроиться и дожидаться резервовъ (что и дало намъ затѣмъ возможность одержать блестящую побѣду подѣ Праснышомъ). Нѣсколь-

ко ротъ изъ нашихъ передовыхъ частей остались въ городѣ. Нѣмцы окружили Праснышъ, но нѣкоторое время не рѣшались атаковать его, предполагая, что въ городѣ стоятъ значительныя силы. Выяснивъ эту перышительность нѣмцевъ, мы получили надежду выручить отрѣзанныя роты, и къ Праснышу были сбѣнно двинуты два корпуса.

Эти корпуса должны были прорвать кольцо нѣмцевъ, соединиться съ ретами, запертыми въ городѣ, и вмѣстѣ съ ними удерживать Праснышъ до подхода главныхъ силъ. Опасались однако, что у осажденныхъ не хватитъ снарядовъ и они раньше вынуждены будутъ сдаться. Поэтому необходимо было извѣстить ихъ, что помощь имъ отправлена и что они должны, сберегая заряды, держаться до послѣней крайности. Чтобы передать это сообщеніе въ Праснышъ, вызвали охотниковъ изъ летчиковъ. Вызвались двое: Д—въ и В—скій, оба—на «фарманакъ».

Задача летчиковъ была странно трудной. Правда, дорогу они знали превосходно, такъ какъ прежде много разъ летали надъ окрестностями Прасныша. Но, во-первыхъ, погода была крайне неблагоприятной: шелъ мокрый снѣгъ, вѣтеръ дулъ рѣзкій вѣтеръ. Во-вторыхъ, летѣть надо было надъ самыми неприятельскими позиціями, а приземляться—въ сферѣ нѣмецкаго артиллерійскаго и ружейнаго огня. Съ каждымъ изъ летчиковъ было, въ особомъ пакетѣ, сообщеніе отъ командира арміи: летчикъ долженъ былъ бросить пакетъ въ чертѣ города, если бы не оказалось возможнымъ спуститься. Товарищи прочтася съ откровеніемъ, какъ съ обреченными. Казалось, что мало надеждъ дважды благополучно перелетѣть черезъ нѣмецкія расположенія, спуститься въ городѣ и вновь вылетѣть оттуда. Однако штабъ считалъ цѣль полета столь важной, что ради ея готовъ былъ рисковать двумя аппаратами и жизнью четверехъ

человѣкъ (съ каждымъ летчикомъ отправлялся еще наблюдатель-развѣдчикъ).

Вылетѣли вечеромъ и изъ-за тумана летѣли очень низко. Иногда спускались до высоты всего 100—150 метровъ, но попятіямъ летчиковъ, «чуть не сколько-нибудь въ 1½ версты, кажется, что на разстояніи 100 метровъ отъ поверхности они уже на землѣ!». Благодаря такому низкому полету развѣдчики могли свободно дѣлать свои наблюденія. Но нѣмцевъ нагдѣ не было видно: укрывались отъ снѣга, они прятались въ траншеи и закрылись блиндажами. На карту пришлось нанести только линіи окоповъ, насколько ихъ можно было различить въ полутьмѣнотѣ.

Перелетѣвъ незамѣченными черезъ нѣмецкое кольцо, летчики взяли направленіе прямо къ Праснышу. Надъ нимъ стояло зарево, и скоро выяснилось, что въ городѣ—нѣсколько пожаровъ. Оба летчика съ крайней смѣлостью долетѣли до самаго Прасныша и стали кружить надъ улицами. Здѣсь съ одной стороны имъ угрожала опасность отъ огня и пекръ, летѣвшихъ съ пожарницъ, съ другой—тревожная невозможность выяснять, въ чьихъ рукахъ городъ: въ нашихъ или въ нѣмецкихъ. Улицы были безлюдны; не было ни патрулей, ни часовыхъ, пожаровъ никто не тушилъ. Летчики разсмотрѣли все-таки, что нѣкоторые дома носятъ слѣды уличнаго боя, и заключили изъ этого, что въ городѣ—нѣмцы.

Вслѣдствіи выяснилось, что такъ оно и было. Нѣмцы, убѣдившись, что у отряда, окруженнаго въ городѣ, нѣтъ связи съ арміей, повели энергичное наступленіе. Въ виду огромнаго перевѣса въ силахъ они ворвались въ Праснышъ и овладѣли имъ. Когда наши летчики ночью кружились надъ городомъ, лорой опускались чуть не до крышъ, онѣ были заняты нѣмцами. Они однако не стрѣляли въ отважныхъ

развѣдчиковъ. Почему? Это осталось неяснымъ. Можетъ-быть, полагаясь на свои заставы, нѣмцы даже не выставили на ночь стражи и никто не замѣтилъ появленія аэроплановъ. Можетъ-быть, лѣтчимъ принесли аэропланы за свои. Можетъ-быть, наконецъ, то была военная хитрость: нѣмцы намѣренно молчали, ожидая, что летчики, не замѣтивъ ихъ присутствія, присямятся въ городской чертѣ и тогда станутъ легкой добычей. Во всякомъ случаѣ по летчикамъ не было сдѣлано ни одного выстрѣла.

Снесъ другъ съ другомъ (конечно, знаками), Д—въ и В—скій рѣшили не спускаться, а бросить донесеніе. Они разсуждали такъ: понавѣ въ руки нѣмцевъ, донесеніе не можетъ причинить вреда, если же наши еще держатся въ городѣ, оно будетъ непременно найдено, и цѣль полета достигнута; напротивъ, спустившись въ городѣ, летчики рискуютъ не только собою, но,—что они считали важнѣе,—и двумя аппаратами, для арміи крайне цѣнными. Придя къ такому рѣшенію, летчики осторожно сбросили каждый свой пакетъ на площадь, потомъ быстро поднялись и полетѣли обратно.

Обратный путь былъ едва ли не болѣе труднымъ, чѣмъ полетъ къ городу. Туманъ ступался; тьма была непрозрачная. Нѣсколько разъ летчикамъ казалось, что они заблудились въ воздушныхъ просторахъ; приходилось спускаться къ землѣ, чтобы выяснитъ дорогу. Наконецъ, послѣ болѣе чѣмъ 3-часоваго путешествія летчики вернулись къ своему и было. Нѣмцы, убѣдившись, что у отряда, окруженнаго въ городѣ, нѣтъ связи съ арміей, повели энергичное наступленіе. Въ виду огромнаго перевѣса въ силахъ они ворвались въ Праснышъ и овладѣли имъ. Когда наши летчики ночью кружились надъ городомъ, лорой опускались чуть не до крышъ, онѣ были заняты нѣмцами. Они однако не стрѣляли въ отважныхъ

Валерій Брюсовъ.

Варшава, 6-го марта.